

УДК: 821.161.1 – 94.09 «1860/1880»

Н.Д. ХВОЩИНСКАЯ КАК КРИТИК ЖЕНСКОГО ТВОРЧЕСТВА
Н.Д. ХВОЩИНСЬКА ЯК КРИТИК ЖІНОЧОЇ ТВОРЧОСТІ
N.D. KHVOSCHINSKAYA AS A CRITIC OF FEMALE LITERARY
ACTIVITY

Погребная Виктория Леонидовна

Погребна Вікторія Леонідівна

Pogrebnaaya Viktoriya Leonidovna

Автором рассматриваются статьи, рецензии Н.Д. Хвощинской, посвящённые женскому литературному творчеству 60-80-х годов XIX века (повестям и романам А. Панаевой, Ю. Жадовской, С. Смирновой, О. Шапир, Н. Кохановской).

Автором розглядаються статті, рецензії Н.Д. Хвощинської, присвячені жіночій літературній творчості 60-80-х рр. XIX століття (повістям і романам Є. Панаєвої, Ю. Жадовської, С. Смирнової, О. Шапір, Н. Кохановської).

The author studies articles, memorials, reviews by N.D. Khvoschinskaya. They are devoted to the female literary activity of the 60-80-s XIX century (stories and novels by A. Panaeva, J. Jadvovskaya, S. Smirnova, O. Shapir, N. Kokhanovskaya).

Ключевые слова: эмансипация, женское творчество, публицистика, статья, рецензия.

Ключові слова: емансипація, жіноча творчість, публіцистика, стаття, рецензія.

Key words: emancipation, female literary activity, political essays, article, review

Творчество женщин-критиков и публицисток 60-80-х гг. XIX столетия на сегодняшний день практически забыто. Критика Е.В. Салиас де Турнемир (псевдоним Е. Тур), М.К. Цебриковой (псевдоним М. Николаева) и Н.Д. Хвощинской (псевдоним В. Крестовский-псевдоним) или не изучалась вовсе, или упоминалась в контексте изучения других проблем, например, в контексте истории журналов, где эти женщины печатались [10]. Именно поэтому

обращение к рассмотрению их критического творчества мы считаем своевременным и актуальным.

В русской литературе II-й половины XIX века особое место принадлежит Надежде Дмитриевне Хвощинской (1824-1889), чье творчество представляет несомненный интерес для современного читателя. Наследие Н.Д. Хвощинской обширно и многогранно. Она – автор восьми больших романов, двадцати двух повестей, множества очерков, сцен и рассказов, стихотворений, литературно-критических статей, переводов с французского и итальянского языков. В дореволюционный период ее произведения выходили в составе трех собраний сочинений – одном прижизненном (в 1859-1866 гг.) и двух посмертных (в 1892г. – и в 1912-1913гг.), а также в четырехтомном собрании ее повестей (1881г.). Многие произведения писательницы не были включены в ее собрания сочинений, оставшись лишь на страницах газет, альманахов, журналов.

Н.Д. Хвощинская была известна не только как писательница и переводчица, но и как литературный критик и публицист (выдающийся библиограф, литературовед С.И. Пономарев в «Дополнениях к Библиографическому Словарю русских писательниц кн. Н.Н. Голицына» называет статьи Надежды Дмитриевны «интересными и умными» [3, 70]). Ею было написано множество рецензий, фельетонов, литературных обзоров, писем и заметок. Хвощинская-критик помещала свои работы в периодических изданиях «Отечественные записки», «Русские ведомости», «Живописное обозрение» и др. под псевдонимами В. Поречников, Николай Куратов, Н.Д. Воздвиженский, а так же подписывала их анаграммами В.К., Н.К., Н. К сожалению, ни в конце XIX, ни в XX веке критические труды писательницы не были переизданы (единственная статья из цикла «Провинциальные письма о нашей литературе» была опубликована в 2001 году и прокомментирована Е.Н. Строгановой [9]), хотя многие из них представляют несомненный интерес как с точки зрения содержания (они посвящены литературным, театральным, музыкальным произведениям), так и с точки зрения формы (читаются легко, ибо написаны проникновенно и убедительно). Они не только дают ценный

материал для понимания эстетической позиции писательницы, но и помогают составить представление об её отношении к творчеству писательниц-современниц.

Перу Н.Д. Хвощинской принадлежит целый ряд интересных и содержательных критических разборов художественных произведений женщин-писательниц 60-80-х годов XIX века. Нас интересуют те статьи и рецензии Хвощинской, которые посвящены повестям и романам А. Панаевой, Ю. Жадовской, С. Смирновой, О. Шапир, Н. Кохановской и др. Эти работы критика, «разбросанные» по газетам и журналам второй половины XIX века, до сих пор не введены в научный оборот. Цель нашего исследования: рассмотреть наиболее яркие и значительные статьи и рецензии Н.Д. Хвощинской, посвящённые женскому литературному творчеству 60-80-х годов XIX века.

Формирование эстетического идеала Н.Д. Хвощинской приходится на 40-50-е гг., когда в Западной Европе и России «расцветает» реализм. Критик в своём шестом «Провинциальном письме о нашей литературе» (цикл литературно-критических статей «Провинциальные письма о нашей литературе» был опубликован Н.Д. Хвощинской под псевдонимом В. Поречников в 1861-1863 гг. в «Отечественных записках»), называет В.Г. Белинского «вечным» и «единственным примером», «учителем целой школы» [7, 50], ставящей основной целью художественного творчества – правдивое изображение действительности. В этой же статье писательница чётко выражает своё творческое кредо – верность «идеи», «направлению», «действительности» [7, 59]. Такое творческое кредо было и у С. Хвощинской, А. Панаевой, Л. Ожигиной и других писательниц этого периода, которые, как и Н.Д. Хвощинская, считали, что литература должна учить, «указывать и защищать» [4, 125].

В 1860-е гг. Хвощинская в нескольких «Провинциальных письмах о нашей литературе» разбирает произведения Н.С. Соханской (псевдоним Кохановская), А.Я. Панаевой (псевдоним Н.Н. Станицкий), Ю.В. Жадовской. Содержание второго письма, «Византийский пафос или повесть г-жи

Кохановской «Кирилла Петров и Настасья Дмитрова» (Отечественные записки, 1862, №1), демонстрирует различие позиций Кохановской (Соханской) и Хвоцинской по вопросу положения женщины в семье. Хвоцинская показывает слабость славянофильских позиций писательницы, выражая это, прежде всего, в названии своей рецензии, где дает ключевую характеристику – «византийский пафос». Кохановская в своей повести выступает поборницей Домостроя, изображает подчинённое положение женщины как нормальное. Самоуничижение, самоунижение Настасьи Дмитровой она возводит в идеал. (После венчания Настя объявляет своему мужу, что ранее была обольщена и ждёт ребенка. Он молча отвозит ее к чужим людям, уезжает. Женщина самостоятельно зарабатывает на жизнь себе и сыну. Муж возвращается, называет ребенка своим сыном, но жену не прощает. Она покоряется, теряет чувство собственного достоинства, просит у мужа прощения). Кохановская сочувствует только герою, оценивает Настасью как падшую женщину. Хвоцинская не согласна с такой оценкой, она сочувствует страданиям глубоко оскорбленного сердца героини, считает её женщиной «погубленной, а не развращенной» [5, 369]. «Этому прекрасному женскому сердцу предстояло другое падение, – пишет критик, – забвение своего права и уничтожение своей личности» [5, 370]. Материально независимая от мужа, Настасья, по прогнозам Хвоцинской, могла бы быть более сильной нравственно, она не должна была просить прощения у своего мучителя, которого не любила, а боялась [5, 370].

Таким образом, из содержания этого критического письма ясно вырисовывается позиция Хвоцинской, которая признает безусловное «мастерство писательницы», «силу и увлекательность ее сжатого рассказа» [5, 366], однако отвергает авторскую идею покорности женщины, поскольку приветствует в женщине чувство собственного достоинства, уважения, самодостаточности. Критик делает вывод, что «блестящее дарование» писательницы оказывается потрачено на «опасную» проповедь [5, 374].

Третье письмо – «Женская доля», роман Станицкого (Современник № 3).- «Отсталая», повесть госпожи Жадовской (Время, № 12)» было написано и

опубликовано критиком в 1862 году (Отечественные записки, № 5). Вспомним, что рецензируемые Хвощинской произведения были опубликованы в то же время, что и её повесть «Пансионерка». В этих произведениях Панаевой, Хвощинской, Жадовской поднимается одна и та же проблема – эмансипация женской личности, используется одна и та же сюжетная схема (уход девушки из дома родителей под влиянием мужчины-развивателя), однако художественное решение этой проблемы совершенно разное. Если учесть дискурс «Пансионерки», понятно некоторое раздражение Хвощинской-критика, рассуждающей в своей статье об уродливых проявлениях эмансипации и никчемности некоторых «развивателей», использующих идеи эмансипации для своей корысти.

Следует заметить, что Хвощинская, оценивая произведения Станицкого (псевдоним А.Я. Панаевой) и Жадовской, отмечает высокое художественное мастерство последней и указывает на низкий художественный уровень произведений Панаевой (она совершенно справедливо отмечает, что содержание её романов «многосложно, запутано, автор справляется с ним с большим трудом, часто обрывая, недосказывая, случалось – забывая им самим сказанное... сцены грубы, характеры резки; часто это даже уж и не поспешная работа, а просто набрасыванье» [6, 37]). Несмотря на это, Хвощинская ставит её творчество, в частности, «Женскую долю», выше, чем творчество Жадовской, поскольку считает, что Панаева в своём романе прямо, смело и искренне высказывает негодование по поводу положения женщины в обществе, по поводу эмансипаторов, подменяющих идеи эмансипации идеями проституции. Чувство правды и сострадания, переданное писательницей, вылилось в грубые, резкие, карикатурные формы, что не порицается рецензентом: «Но под этой грубой работой – всегда убеждение; это набрасыванье – неизбежное последствие жаркого желания сказать скорее, сказать все; в этих резкостях всегда много житейской правды...» [6, 37].

Само название романа «Женская доля» многое говорит читателю, который, прочитав роман, видит целый ряд униженных, оскорблённых,

замученных, запуганных, брошенных, возмущённых, забитых девушек и женщин. Хвоцинская так передаёт свои чувства после прочтения этого романа: «...становится страшно и больно, вырывается уже не вздох, а отчаянное слово: «это есть!», повторяем – не в одном углу, но это есть на свете, есть с грустными и ужасными оттенками...» [6, 38]. Критик считает, что то, что Панаева свела своих страдалец всех вместе, нельзя считать художественной ошибкой, сила воздействия художественной правды на читателя именно поэтому велика: «Это безобразно до карикатуры, это грязно до отвращения – и все эти падшие виноваты только в том, что доверялись и любили...» [6, 38].

Хвоцинская высоко оценила художественную правду романа «Женская доля» А. Я. Панаевой, её чувство негодования и боли за положение женщины в России. Совершенно иной представляется критику суть романа Ю. Жадовской «Женская история»: «Это роман розовый, чинный, где все добродетельные счастливы, где злодеи так – только для маленькой тени... Неужели, спрашивали губернские читатели: в нашем свете живётся так сладостно, побуждения так чисты, страсти так хорошо воспитаны, пороки так умеренны – пошалил и довольно? Почувствовал ли сам автор «Женской истории», что переложил нежных красок; услышал ли он упрёки за бесцветную патриархальность своего произведения?» [6, 39].

Хвоцинская не останавливается на подробном анализе этого романа, поскольку, с её точки зрения, он не отражает проблем времени. Она выделяет другое произведение Ю. Жадовской, повесть «Отсталая». Отмечая эстетическое совершенство этой повести, («написанная тонко, старательно» [6, 40]), Хвоцинская полемизирует с автором, который, как представляется критику, сочувствует главной героине, бросившей любящую мать и бежавшей с любовником в поисках «новой жизни». Название повести очень ёмко характеризует её идею – девушка отстала от современных понятий о любви. История этой девушки была довольно типичной для того времени. «Отсталая» жила с матерью-помещицей в деревне. Она не получила хорошего образования, особо ничем не увлекалась и не занималась, ни к кому не была привязана. Её

единственной подругой была дворовая девушка, Матрёша, которая служила ей развлечением. Маша узнаёт, что Матрёша, ждущая ребенка, изгнана из деревни. Не поддержав подругу, «Отсталая» отказывается от нее.

Н.Д. Хвоцинская в своей рецензии утверждает, что жестокость Маши обусловлена, прежде всего, её натурой, а затем уже обстановкой (средой). Она пишет: «Какова натура, таково и развитие; это только дальнейший рост сил, уже существующих...» [6, 44]. Критик сравнивает Машу с Татьяной Лариной, героиней романа Пушкина «Евгений Онегин», которая тоже воспитывалась в помещичьей среде, однако «понимала, прощала и любила» свою «незатейливую обстановку», свою «полуграмотную среду», мать-помещицу, поскольку была «девушка кроткая, нежная и робкая» [6, 42]. В Маше, напротив, сказывается натура гордая, грубая, эгоистичная. Книги из библиотеки Онегина дали толчок к всестороннему развитию Татьяны, тогда как книги, которые читает «отсталая», лишь развивают в ней чувственность, а не мысль. Хвоцинская справедливо замечает, что «набить голову фразами, выучиться говорить фразы и действовать в смысле этих фраз – ещё не развитие» [6, 43]. Развитие начинается с размышления над окружающим. Прочитанное может дать толчок для размышлений и оценок человеку думающему и глубокому, а не поверхностному, как Маша.

Жадовская вводит в свою повесть стандартную фигуру мужчины-развивателя, который должен «просвятить» девушку (сама Хвоцинская в своей повести «Пансионерка» отойдет от этого стандарта, умело показав, что «развиватель» не всегда достигает своей цели и не всегда сам является развитым и достойным своей ученицы). С нашей точки зрения, новаторство Жадовской заключается в том, что она изображает двух развивателей, которые преследуют совершенно разные цели, воспитывая и поучая «Отсталую». Помещик Арбатов, красавец и кутила, хочет сделать из Маши эмансипированную женщину для себя, попросту говоря, он хочет воспитать для себя девицу свободных нравов, которую можно бросить в подходящий момент. Хвоцинская справедливо задаёт вопрос: «Можно ли считать его человеком

«развитым»? После этого, «развитой» может сделаться бранным словом...» [6, 45]. Другой молодой человек, студент Налётов, верящий прежде всего в науку, призывает Машу учиться, переоценить прежде всего себя, а затем уже окружающую среду (Арбатов, напротив, в отсталости девушки обвиняет только среду). Маше пришёлся по душе больше Арбатов, зовущий к любви и развлечениям, нежели Налётов, размышляющий о проблемах человечества и зовущий к труду. Маша становится любовницей Арбатова. Характерно, что Хвоцинская осуждает не безнравственность девушки, а её выбор (Арбатов – «фантик и франтик» [6, 47] в оценке критика). Очень уместным в статье Хвоцинской является сравнение образа Маши с образом Елены Стаховой (героиня романа Тургенева «Накануне»): «Елена знала и чувствовала с первой минуты, что её любовь к человеку, которому жертвовала всем – чиста и безупречна: она полюбила не от скуки, что «света не видала, никаких удовольствий не имела», и жаль было «молодость даром потратить», как жалуется «Отсталая» своей матери...ей (Елене – В.П.) хотелось быть чьей-нибудь опорой и помощницей...» [6, 47].

У семнадцатилетней Маши, убежавшей из дому с любовником, не пробуждается чувство любви, сострадания, жалости к матери. Хвоцинская пишет: «В ней не пробуждается и чувство стыдливости, этот признак чистоты женского сердца...» [6, 48]. «Отсталая» делает всё, чтобы догнать жизнь. Её одинокая, всеми покинутая мать прожила среди пересудов своей мелкой среды всего год. Хвоцинская осуждает «Отсталую», задавая ряд риторических вопросов, которые в другой форме задавали в своих произведениях многие писатели: «Почему любовь женщины исключительно к одному её любовнику должна считаться её высшей добродетелью? Почему женщина должна не только оставить, но, если нужно, погубить для него все остальные предметы своей привязанности – семью, родных... Почему женщина считается передовою, когда бежит с негодяем, и рабой, когда, смяв своё сердце, остаётся исполнять свои обязанности в семье? Разве это не перемена рабства на рабство? Разве строгая семья и оскорбляющий любовник – не одинаковое крепостное

право? ... Если дочь должна бросить мать, для того, чтобы из «отсталой» сделаться «передовою», то должна ли и замужняя женщина последовать за своим избранным, бросив мужа, который ее любит, и детей, для которых она необходима?» [6, 51].

Этот отзыв можно рассматривать как автокомментарий Н.Д. Хвоцинской к её собственной повести «Пансионерка» (1861), где в образах Софьи Александровны и Леленьки (Елены Гостевой) представлены два самые распространённые женские типы – «милой» женщины и «образованной» женщины (терминология А. Розенхольм [8, 155]). На чьей стороне Хвоцинская? Ей больше импонирует образ Софьи Хмелевской, женщины кроткой, отзывчивой, женственной, способной на самопожертвование ради счастья ближних. Именно поэтому в рецензии на повесть «Отсталая» критик заявляет: «Мы не знаем, полезны ли "твердые, развитые", но дайте нам еще тех, наших отсталых, которые умеют щадить, прощать, которые, чувствуя что им больно от чужого необразования, не бьют необразованных еще более своим умом...» [6, 46].

Оценивая произведения женщин-писательниц, Хвоцинская приходит к любопытным выводам о женском творчестве вообще. Так, в шестом письме цикла «Провинциальные письма о нашей литературе» («Рассказы женщин о женщинах» (Отечественные записки, 1862, № 11) она пишет: «...всякий о себе лучший рассказчик, женщины тем более... женщина расскажет о себе всё, простодушно, без натяжки» [7, 51]. Женские романы критик считает «любопытным» документом, поскольку в них даётся фактическое изложение повседневной жизни с её мелочами, проблемами, суматохой. Например, в романе Н-вой «Приключения одного лета (Из моего прошедшего)» (1862) критик находит определенный интерес, прежде всего в изображении подробностей женского быта и оттенков разнообразных женских характеров [7, 51]. Именно такие качества женской литературы как чрезмерная детализация, сентиментальность, субъективность порицались мужчинами-писателями и критиками как в XIX веке, так и в последующее время. Интересно, что

Хвощинская перечисленные выше качества считает не женскими «недостатками», а проявлениями женской натуры.

Хвощинская хорошо знала современную ей литературу. В любом романе, где речь шла о развитии и эмансипации женщины или девушки, обязательно присутствовала сюжетная схема, основанная на разрыве героини с прошлым (освобождении от «родительского деспотизма») и встрече с мужчиной-развивателем, который способствовал этому уходу и вступлению на стезю «новой жизни». Критик прекрасно понимала, что не все родители были деспотами и не все «развиватели» имели некорыстные цели (размышления по этому поводу есть не только в её критических статьях, но и в письмах, а так же в художественных произведениях – повести «Пансионерка», романах «Большая Медведица», «Былое»). В жизни развитие девушки не всегда было связано только лишь с мужчиной. Именно поэтому Хвощинская в шестом письме «Провинциальных писем о нашей литературе» с иронией отзовется о развивателях, без которых не обходился ни один роман, особенно женский: «Друг и руководитель» – мода, рычаг, неизбежность, корь и оспа женского романа с девицами» [7, 53].

В первой половине 1880-х годов Хвощинская печатает цикл критических фельетонов под общим названием «Мемуары одного читателя» и подписывает его Н. (Русские ведомости, 1880, №№ 94, 161, 307). В последнем фельетоне она рассуждает о женском творчестве вообще, и, в частности, о женском романе. Критика интересуется вопросом, почему в 80-е годы писателей-мужчин уже не привлекает такая жанровая форма как роман, а писательницы очень плодотворно работают именно в этом жанре (действительно, можно назвать таких романисток, как О. Шапир, С. Смирнова, М. Крестовская, сама Н. Хвощинская). Критик отмечает: «Писателей, говорят, привлекают более «житейские», реальные вопросы. Писательницы разрабатывают внутреннюю, философскую сторону жизни. Для этого, конечно, самая удобная форма – роман» [2, 1]. Это не совсем точная оценка, поскольку писательниц тоже интересуют «житейские» вопросы, а писатели нередко обращаются к

внутренней, философской стороне жизни (Толстой, Достоевский, Лесков, например). Очевидно, Хвощинская имеет в виду мужскую народническую литературу, которая преимущественно была посвящена «злобе дня», а не показу внутренней жизни личности.

Характеризуя женскую прозу, критик отмечает, что новые писательницы изображают уже не только любовь и балы, как их предшественницы, но и касаются реальных сторон жизни, правда, не всегда умело. Так, в этом же фельетоне она критикует роман О. Шапир «Антиподы». Хвощинская пишет о растянутости и расплывчатости этого произведения, о чувстве неопределённости, которое возникает при его чтении: «...реальное как-то всё ещё висит на воздухе, неосязаемое» [2, 1].

В другом фельетоне, посвящённом разбору повести Шапир «Кандидат Куратов» (этот фельетон озаглавлен «Литературно-семейное объяснение» и написан в форме «письма кандидата Куратова к сестре своей» (Русские ведомости», 1880, № 55), Хвощинская признаёт художественное мастерство автора, отмечает умение Шапир изображать различные женские характеры. Главная героиня повести, Зина, старая дева, не желает трудиться, ждёт милостыни от брата и Бога. Писательница с иронией относится к своей героине, что позволило Хвощинской заметить: «Женское перо – отчасти булавка» [1, 2], именно булавка, которая нет-нет, да и царапнёт или уколёт старую деву, неприспособленную к жизни.

Среди современных ей романисток критик особо выделяет С. Смирнову (Сазонову). В одной из статей цикла «Мемуары одного читателя» она пишет: «Из романисток, самый крупный талант, бесспорно – г-жа Смирнова. Она в самой лучшей поре своих сил...» [2, 2]. В произведениях этой писательницы приветствуется интерес к реальной действительности: «она смело касается сторон житья-бытья и чувств самых разнообразных, часто болезненных и глубоких» [2, 2]. Силу дарования Смирновой Хвощинская видит в «наблюдательности, знании жизни, анализе» [2, 2]. Предъявляя высокие требования к талантливой писательнице, критик упрекает её «в небрежности

работы»: «Все раскрыто, разметано, тут намек, там недомолвка, недоглядка от поспешности...От её первого романа «Огонёк» до последнего «У пристани» всё заметнее эта небрежность, набрасыванье, мотовство дарованием» [2, 2].

Критик создает интеллектуально-нравственный портрет идеальной писательницы, соединяющий «многостороннюю образованность, вкус, знание жизни и тот особенный оттенок скромности, не переходящий ни в сантиментальность, ни в ригоризм, то чувство меры, смелое, свободное и вместе изящно разборчивое, которое дает старшему поколению возможность доверчиво оставлять книгу в руках молодежи» [2, 1].

Итак, Н.Д. Хвоцинская оказалась одной из немногих женщин, заявивших о себе в таком традиционно мужском роде литературных занятий, как критика.

В литературно-критических выступлениях писательница делает акцент на том, что литература должна учить, «указывать и защищать». К женской беллетристике Хвоцинская предъявляет эстетические требования и настаивает на тщательной отделке и обработке материала.

В критическом наследии Хвоцинской есть немало размышлений о специфике творчества женщин-писательниц. Называя их произведения «любопытным» документом, критик утверждает, что в женских повестях и романах даётся фактическое изложение повседневной жизни с её мелочами, проблемами.

Мысли Хвоцинской о природе женского творчества являются своеобразным ключом к пониманию её творчества. С одной стороны, критик смотрит на произведения своих сестёр по перу, учитывая свой опыт (как личности и писателя), с другой, она учитывает опыт этих писательниц в своём творчестве, во многом «отталкиваясь» от него. Именно поэтому многие статьи писательницы имеют полемический характер.

Мы упомянули лишь некоторую часть литературно-критических трудов Н.Д. Хвоцинской. Многогранное творчество этой писательницы ещё ждёт своих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Куратов Николай Литературно-семейное объяснение (письмо кандидата Куратова к сестре своей) / Н.Д. Хвоцинская // Русские ведомости. – 1880.– № 55.– С. 1–3.
2. Н. Мемуары одного читателя / Н.Д. Хвоцинская // Русские ведомости.– 1880.– № 307. – С. 1–2.
3. Пономарёв С.И. Дополнения к Библиографическому Словарю русских писательниц кн. Н.Н. Голицына. Спб., 1889 / С.И. Пономарёв // Пономарёв С.И. Наши писательницы. Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Т. LII, № 7 – СПб. : Типография императорской Академии наук, 1891. – С. 23–77.
4. Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо первое / Н.Д. Хвоцинская // Отечественные записки. – 1861. – № 12. – С. 121–133.
5. Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо второе. Византийский пафос или повесть г-жи Кохановской «Кирилла Петров и Настасья Дмитрова» / Н.Д. Хвоцинская // Отечественные записки. – 1862. – № 1. – С. 364–374.
6. Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо третье. «Женская доля», роман Станицкого (Современник, №3), «Отсталая», повесть г-жи Жадовской (Время, №12) / Н.Д. Хвоцинская // Отечественные записки. – 1862. – № 5. – С. 24–52.
7. Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо шестое. Рассказы женщин о женщинах / Н.Д. Хвоцинская // Отечественные записки. – 1862. – № 11. – С. 48–60.
8. Розенхольм А. «Своё» и «чужое» в концепции «образованная женщина» и «Пансионерка» Н.Д. Хвоцинской / А. Розенхольм // «Своё» и «чужое» в литературе и культуре: *Studia Russica helsingiensia et Tartuensia*. – № 4.– Тарту: Tartu University Press, 1995. – С. 143–166.

9. Строганова Е.Н. «Провинциальные письма о нашей литературе» Н.Д. Хвоцинской / Е.Н. Строганова // Провинция как реальность и объект осмысления: Материалы научной конференции 29 августа – 1 сентября 2001 г. – Тверь : ТГУ, 2001 – С. 141–157.

10. Теплинский М.В. «Отечественные записки» 1868-1884. История журнала. Литературная критика / М.В. Теплинский. – Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное издательство, 1966. – 399 с.